

В.М.Давыдов

Эхо недооцененной войны

Мексикано-американская война 1846—1848 гг. относится к поворотным историческим событиям, предопределяющим геополитический и геоэкономический расклад на мировой арене. За счет Мексики США обрели важнейшую стартовую предпосылку для превращения в великую державу, а затем и в супердержаву. Мексика, экспроприированная в результате войны на 55% своей территории, была обречена на долгое периферийное положение в мировой системе, стала уязвимой для внешних вторжений и для внешнего давления.

Ключевые слова: мексикано-американская война; имперская экспансия; аннексионизм США.

Есть в мировой истории крупные события, оказавшиеся по сути поворотными для судеб мирового развития, но не осмысленные до конца, недооцененные в полной мере. К ним, несомненно, относится мексикано-американская война 1846—1848 гг*. Соответственно, мы имеем более чем убедительный повод для того, чтобы сегодня вновь обратиться к оценке ее значения, пусть постфактум, но с пониманием логики в переключке времен, прошлого и настоящего, исторической генетики, которая выносит в нынешний мир семена ушедшей эпохи и формирует, хотим мы того или нет, геополитическую и геоэкономическую композицию современного мира.

Другой мотив самоочевиден, памятуя о внушительном юбилее — 170 лет назад, в 1847 г. происходили решающие военные события, предопределившие итог мексикано-американской войны. В то же время мы находимся в преддверии 170-летия со дня подписания финального Договора Гуаделупе-Идальго, заключенного официальными представителями Мексики и США 2 февраля 1848 г. Наконец, нам важно подойти к оценке этой войны не формально, ограничиваясь историческими подробностями, а соотнести ее итоги, ее значение с современными реалиями, с современным смыслом тех правовых и морально-политических проблем, которые были вынесены соответствующей страной на историческую арену.

Владимир Михайлович Давыдов — чл.-корр. РАН, научный руководитель Института Латинской Америки РАН (ИЛА РАН), зав. кафедрой РУДН (davydov@ilaran.ru).

* В американской литературе победе в мексикано-американской войне не уделяется адекватное внимание, а если и уделяется, то чаще в апологетическом духе. И мексиканская историография, как это ни покажется парадоксальным, скупа на комментарии, воздерживаясь, судя по всему, от болезненных напоминаний о самой большой национальной травме. (См.: J.Vázquez de Knauth. Mexicanos ante la Guerra del 47. Ed. SEP. México, 1972).

В этой связи уместно напомнить, что история в любом случае остается главным критерием правомерности либо неправомерности действий в сфере межгосударственных отношений. А это, между прочим, подкрепляется англосаксонской традицией прецедентного права.

О масштабе мексикано-американской войны говорят впечатляющие факты. В результате провокации сепаратизма в Техасе (1835—1836 гг.)*, затем захватнических действий американской армии в 1845—1848 гг., а также ряда мелких территориальных приобретений вскоре после заключения Договора Гуаделупе-Идальго США аннексировали в общей сложности порядка 2,4 млн км² (пространства к западу от 100-го меридиана и к югу от 42-ой параллели). Речь идет о территории, которую ныне занимают Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, части штатов Колорадо, Вайоминг и Канзас. За Мексикой осталось менее 2 млн км² (точнее, 1973 тыс. км²), т.е. существенно меньше половины прежней площади республики (см. карту-схему).

Мы далеки от того, чтобы воспринимать результаты послевоенного развития двух стран, абстрагируясь от различия конкретно-исторических ситуаций. Мы, конечно же, отдаем себе отчет в различиях детерминации социального и экономического развития в мексиканском и североамериканском случаях. Но в порядке иллюстрации мы вправе дать оценку приобретению и тем потерям, которые мы имеем на сегодняшний день. В текущих ценах 2016 г. ВВП США составил 18,5 трлн долл. Из этой суммы, по нашему подсчету, 5,2 трлн долл. пришлось на вклад территорий, отторгнутых у Мексики в XIX в. (т.е. 28%). Для сравнения укажем, что сама Мексика по итогам истекшего года имела ВВП в размере 1,1 трлн долл.

Вы скажете, что механическое сопоставление неуместно. И будете правы, и я вынужден с вами согласиться. Между тем, возвращаясь к середине XIX в., заметим, что в бурном капиталистическом старте США экспроприация Мексики стала одним из ключевых импульсов ускорения экономического роста благодаря многократному насыщению ресурсами и масштабной эксплуатации огромной территории и прежнего населения. Та же экспроприация с обратным знаком, послевоенная разруха и резкое сокращение внутреннего рынка усугубили торможение социально-экономического прогресса в Мексике.

В порядке иллюстрации сошлемся на расчеты Ангуса Мэддисона: весовые категории США и Мексики в суммарном мировом продукте изменились следующим образом. По состоянию на 1820 г. они оценивались в 1,8% в первом случае и 0,7% — во втором. На 1870 г. доля США возросла до 8,9%, а Мексики упала до 0,6%. Вместе с тем, обращая внимание на соотношение потенциалов, имеет смысл учесть показатели численности насе-

* Можно говорить об интенсивном процессе замещения населения в Техасе. США целенаправленно, с дальним прицелом поощряли переселение на мексиканскую территорию в Техас. И после его «отделения» от Мексики к середине 30-х годов XIX в. число переселенцев приближалось к 30 тыс. Количество рабов составляло 5 тыс. Население мексиканского происхождения — 7,8 тыс. 13 октября 1845 г. был проведен плебисцит по вопросу о присоединении Техаса к США. В нем участвовали только «свои» — 4,5 тыс., которые практически единодушно (голосов «против» оказалось не более 100) высказались «за». Мексиканцы по происхождению к голосованию фактически допущены не были.

Приведено по: Н.В.Потокова. Агрессия США против Мексики. 1846—1848. М., 1962

ления. А.Мэддисон на те же годы дает следующую оценку: США — 9,981 млн и 40,24 млн человек; Мексика — 6,59 и 9,22 млн человек¹.

Итак, важно подчеркнуть, что исторический итог войны означал радикальный поворот в судьбе обоих государств. В случае США война создала одну из важнейших предпосылок для превращения в мировую державу, а в последствие и супердержаву. В случае Мексики война лишила перспективы превращения в мировую державу и обрекла страну на долгое пребывание в состоянии периферии мировой экономики и мировой политики. Итоги войны заложили основу для формирования в США такой экономической и военной мощи, которая позволила противостоять гегемонии Великобритании в Западном полушарии и вытеснить ее с господствующих позиций в этом регионе уже во второй половине XIX в.

С другой стороны, война истощила экономические и морально-политические силы мексиканского государства. 15 млн долл. (песо) серебром, которые по Договору Гуаделупе-Идальго Вашингтон обязался выплатить в порядке компенсации (что в США воспринималось как своего рода «очистка совести»), никак не могут даже в минимальной степени рассматриваться в качестве таковой. Для понимания реального значения этой цифры полезно сделать следующее сравнение: только за 1848—1850 гг. (т.е. за три года после войны) в Калифорнии на бывшей мексиканской территории было добыто золота на сумму в 51,7 млн долл.² Последующие события показали, что ослабленная войной Мексика в итоге не раз становилась жертвой грубого вмешательства и авантюристических интервенций со стороны иностранных государств.

В то же время война усилила правоконсервативный лагерь в США. В первую очередь речь идет о рабовладельческой касте южной части страны. Можно сказать, что основным побудительным мотивом со стороны Соединенных Штатов было недовольство плантаторов юга тем «опасным прецедентом и примером», который создавал запрет рабства в Мексике в 1829 г. Демагогия, двойная мораль, военные интервенции за рубежом со времени войны с Мексикой масштабно вошли в арсенал американской дипломатии и в целом геополитического поведения Вашингтона.

Это не значит, что в США не раздавались голоса противников войны, не разоблачались захватнические планы, среди них голоса Джона Куинси Адамса, Абрахама Линкольна, Генри Дэвида Торб и др. Честь им и признательность потомков. Показательно в этой связи и то, что договор Гуаделупе-Идальго был ратифицирован сенатом США отнюдь не абсолютным большинством: 38 — за, 14 — против. Тем не менее, в то время «main stream» был окрашен откровенным имперским экспансионизмом и утверждающимся комплексом превосходства. Война со стороны США велась под лозунгом «защиты свободы». Авторы «Новой краткой истории Мексики» из Колехио де Мехико иронизируют на сей счет. Они подчеркивают: подлинные причины, с одной стороны, связаны с недовольством запретом рабства, осуществленным в Мексике, и «пагубным» влиянием этого акта на настроения к северу от границы, а, с другой стороны, введением Мексикой таможенного контроля на северной границе, ограничившего производ и массовые злоупотребления в торговой сфере со стороны североамериканских граждан³.

Если говорить по существу, то война шла ради реставрации и закрепления «свободы» рабовладения. А если рассуждать в общем плане, то следует отметить, что детерминация нападения на Мексику с североамериканской стороны и оккупация мексиканской территории продиктованы усилившимся имперским аппетитом. Как тут не вспомнить мексиканскую поговорку: «Pobre México: tan lejos de Dios y tan cerca de los EEUU» («Бедная Мексика: так далека от Бога и так близка к США»). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в канун, в ходе и после войны в США звучало немало уничижительных характеристик Мексики. Но, наверное, суммировать их можно по формуле баснописца Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...».

В свете вышесказанного сегодня нужно по-особому подходить к оценке феномена многомиллионной иммиграции мексиканцев в США. Она не ук-

ладывается в обычные рамки перетока населения из бедных стран в богатые. Эту тему в отдельной главе рассматривал Самюэль Хантингтон в своей книге 2004 г. «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности»⁴. Он подчеркивал, что в данном случае миграционный поток, во-первых, ведет к возвращению на своего рода историческую родину. Во-вторых, в количественном отношении он достиг такого масштаба, что уже не подвержен ассимилирующему воздействию «плавильного котла». В-третьих, он создает параллельную национальную идентичность, внося решающий вклад в образование испаноязычной общности США. Такая ситуация, учитывая нынешние демографические тренды, не только не «рассосется», но еще больше утвердится, сопровождаясь даже образованием моноэтнических анклавов.

И XIX, и XX вв. дали нам немало примеров больших и малых аннексий, в том числе и тех, которые тяжелым грузом ложатся на современные международные отношения. Достаточно вспомнить захват Мальвинских островов в 1833 г. И это теперь вопрос не только отношений Аргентины и Соединенного Королевства. Это — вопрос нарушения и обеспечения международной безопасности в стратегическом районе Южной Атлантики.

В истории и современной практике международных территориальных конфликтов и споров нет абсолютных истин и абсолютных правил. Так, не подпадают под них случаи противопоставления принципа территориальной целостности и права наций на самоопределение. Истина в данном случае конкретна. Виталий Иванович Чуркин, комментируя дебаты в Совбезе ООН незадолго до безвременной кончины, заметил, что подобные вопросы невозможно решить без объективной оценки конкретных исторических обстоятельств.

Что касается мексикано-американской войны, то в любом случае она уникальна. Налицо прецедент насильственного отторжения большей части территории крупного международно признанного государства. Прямо скажем, уникален масштаб, но уникальны и последствия.

Казалось бы, бессмысленно трансплантировать реальность и нормы XIX в. на XXI в. и наоборот. С.Хантингтон вслед за марокканским ученым Мехди эль Манджара говорит о войнах нового типа, войнах межцивилизационных, войнах «по линии разлома». Но, поправляя марокканского коллегу, который в качестве первой войны такого типа рассматривал войну в Персидском заливе («войну в заливе»), Хантингтон приписывает это качество войне в Афганистане, в которую был вовлечен Советский Союз⁵.

Если следовать логике Хантингтона, то, может быть, его определение в большей мере относится к далекой мексикано-американской войне. Но напомним, что Хантингтон колебался в окончательных выводах: с одной стороны, Латинская Америка представлялась ему дочерним ответвлением западно-христианской цивилизации, с другой — самостоятельным особым цивилизационным ареалом. Если склоняться ко второй точке зрения (а для нас это все же именно так), то к оценке мексикано-американской войны нельзя относиться как к некому локальному событию, рядовому региональному конфликту XIX в.

Джордж Фридман, руководитель Стратфора, в известной книге «Следующее столетие», видимо, больше склонен к хантингтонской интерпретации войны XIX в. При этом он видит межкультурные, межцивилизацион-

ные противоречия в отношениях двух стран и прогнозирует их обострение на протяжении XXI в. настолько, что к его исходу рассматривает вероятность новой мексикано-американской войны⁶. Мы не склонны к подобной крайности. Мы полагаем, что международное сообщество и гражданское общество в обоих государствах способны избежать неконтролируемых последствий роковой конфронтации (пусть даже междоусобицы цивилизационного характера).

Наследие мексикано-американской войны способно произвести негативный эффект, если, учитывая вызовы сосуществованию с той и с другой стороны, не встретит адекватного миротворческого ответа, если не будет найден рецепт параллельного развития, если к северу от Рио-Гранде не утвердится признание правомерности мексиканской идентичности, включая ее институциональные формы, в первую очередь на пространстве, отторгнутом у Мексики в далеком XIX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ A.M. Addison. La economía mundial. Una perspectiva milenaria. Ed. Mundi-Prensa, Madrid-Barcelona-México, 2002, p. 240, 262.

² Т.В.Алентьева. Война с Мексикой в 1846-1848 годах и американское общественное мнение. — Вопросы истории, 2006, №8, с.116-120. [T.V. Alent'eva. Voina s Meksikoi v 1846-1848 godakh i amerikanskoe obshchestvennoe mnenie] [War with Mexico in 1846-1848 and American public opinion]. Voprosy istorii, 2006, № 8, p.116-120.

³ Новая краткая история Мексики. М., ИЛА РАН, 2008, с. 150-151. [Novaya kratkaya istoriya Meksiki] [The new brief history of Mexico]. Moscow, ILA RAN, 2008, p. 150-151.

⁴ С.Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., АСТ, 2004, с. 347-402. [S. Khantington. Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti] [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow, AST, 2004, p. 347-402.

⁵ С.Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М., АСТ, 2003, с. 390. [S. Khantington. Stolknoenie tsivilizatsii] [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 2003, p. 390.

⁶ G.Friedman. The Next 100 Years. A Forecast for 21st Century. Anchor Books, New York, 2009, p. 243-248.

Vladimir M.Davydov (davydov@ilaran.ru)

Corresponding member of RAS, Science director, Institute of Latin America, Russian Academy of Science (RAS)

The echo of an underestimated war

Abstract. Mexican-American war 1846-1848 relates to turning historical events that determine geopolitical and geo-economic situation on the world stage. Due to Mexico, US gained the most important starting premise for transformation into a great power and then a superpower. 55% of Mexican territory was expropriated at the end of this war. Mexico was doomed to a long peripheral position in the world system; it has become vulnerable to outside intrusions and external pressure in the future.

Key words: Mexican-American war, imperial expansion, annexationism of the USA.